

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА УРОВЕНЬ ОГНЯ.

Путевые записки пилигрима

День первый.

Клинок Стрелы уже виднелся на горизонте, задолго до начала снижения. По прилету расположились в гостинице на ночь, боцман корабля отец Феофан, на котором нам завтра предстояло начать путь, строго наказал не расслабляться, чтобы утром четко погрузиться в пассажирский контейнер. Мы ведь – возвращенцы, – и выводиться будем первыми, поэтому не должно быть никаких задержек при зарядании и запуске. Руководство Стрелы и так внимает просьбам паломнической службы МПЦ, по личному ходатайству Первоиерарха, и надо оправдывать такое доверие. Иначе при задержке очереди, не дай Бог, не успеют все контейнеры забросить на орбиту, и придется ждать нового окна сближения планет. Такое уже бывало с возвращенцами (но не с паломниками, а с некими спесивцами), возникла большая сумятица, сдвиги сроков строительства на орбитах, полетов и т.д. Отец боцман ушел проверять своих послушников на грузовом контейнере, а некоторые из наших всё же решились немного прогуляться: шутка ли, мы - на зоне Стрелы, внутри её периметра. Вернулись они быстро, так как от гостиницы далеко не отойдешь, но хоть подышали свежим воздухом, перед такой дорогой. Видимо, боцман судна, как ответственное за нас лицо, уже провел регистрацию нашей группы в системе Стрелы, и каждому из нас на персонки стали сбрасываться подтверждения регистрации с поминутной хронологией порядка погрузки и маршрута перемещений (двери, точнее шлюзы, там управляются системой – замешкался, и остался). Храни нас всех милостивый Господи!

Второй день.

Автобус для паломников отправился от гостиницы к Стреле точно в указанное в порядке погрузки время, что система вчера нам сбросила каждому. Стрела похожа на Эйфелевую башню в Париже, но та несравнимо крошечнее. Стрела поблескивала солнечными панелями, рядом с которыми особо глазастые или вооруженные оптикой могут разглядеть пауков-драельщиков, что моют панели от пыли грязи внутри атмосферы. Энергии панели дают мало, но ее вполне хватило бы на поддержку сверхпрочности несущих углеродных трубок, но на них заведены и энегросети от токамаков, что питают саму зону, радары С-1000 и плазмометы на периметре, ибо такие же плазмометы стоят на самой Стреле наверху как орбитальное оборудование для расстрела мусора.

Стрела грандиозна. Наверное, как придавлено смотрели древние на Вавилонскую башню, так народ смотрит из автобусов на приближающуюся махину одного из оснований Стрелы. Но Вавилонское столпотворение закончилось плачевно и назидательно, а Стрела построена и успешно используется. А не ради ли возникновения МПЦ Господь попустил создание Стрелы? Такие благочестивые рассуждения и догадки возникали в беседе среди нас пока ехали к четвертому основанию Стрелы.

Персональный контроль и таможеню прошли быстро, благо никто из наших ничего не пытался протащить. Батюшке из Китая таможенники позволили взять с собой в пассажирский отсек тамошний напестольный семисвечник, с дракончиками (на манер греческих церковных люстр) но только ему сказали хорошо зафиксировать громоздкую металлическую конструкцию в корме контейнера (чтобы не пришибла никого). В посадочной зоне не разбредались, держались вместе около отца-боцмана у выхода в контейнер, хотя народ разный, «погрузились» в него ладно и дружно (видимо, внешний вид и вчерашние страдания отца-боцмана возымели действие), помогли отцу Ли аккуратно примотать его подарок к полу к задней перегородке.

Контейнер чуть повздрагивал в корме и на носу при креплении навесок с двигателями, народ расселся по местам, застегнулись, ждали погрузки в ствол. Тронулись, перекрестились, стали ускоряться, детвора начала радостно возбуждаться, но попритихла, когда стало трудно шевелиться, и лишь чуть порой побрякивала (это такой смех там), когда кому-то из них получалось скосить взгляд и увидеть стянутые к затылку физиономии товарищей. Вытерпели, но не обошлось без эксесов: одна мамаша-таки покормила свое чадо на завтрак и отрок не выдержал и вернул маме – надо слушаться отца-боцмана, предупреждавшего, и следовать инструкции паломника, скорбями писанную. А как же она причащает его, тоже позавтракавши? Ох уж эти либерасты... Когда прошли ствол и включились навесные двигатели, перегрузки поубавились, и пилигримная братия стала любоваться матушкой Землей, такой родной, такой милой, и такой страждущей и болящей по неразумию людскому. Выдержит ли, родимая?

Объявили о приближении к кораблю, на носу включились двигатели, стали тормозить и маневрировать. И вот в иллюминаторах появилась большая межпланетная баржа, с объемистым вместительным корпусом. Вход в трюм и шлюзование прошли благополучно. Невесомость трюма после перегрузки выстреливания показалась особо контрастной. Пробрались в невесомости в жилой тор, где есть хоть не совсем земная, но все же вполне удобная гравитация из-за его вращения. Спасибо послушникам, они здесь сноровистые и помогли перетащить наш багаж по каютам, иначе в невесомости не знаю, что вышло бы с кучей багажа. Как-то быстро все устроились и отошли ко сну – не мудрено после таких нагрузок и разнообразия в гравитации.

День третий.

После утренних молитв, молебна на начало благо дела в храме и завтрака в трапезной отец боцман собрал нас в кубрике для инструктажа и распределения по послушаниям: через час мы трогаемся в путь, три дня будем ускоряться (не так конечно как в Стреле), система управления будет наклонять каюты и коридор в торе и изменять вращение тора так, чтобы притяжение при ускорении и торможении корабля было бы более и менее к полу, а не к станкам. Примерно через час послышался сильный низкий как бы выдох и стал нарастать слабый гул – заработали двигатели, тронулись-таки.

Меня, как и многих, назначили на послушание в какой-то оранжерее. Как оказалось то, куда мы вчера влетели в баржу – совсем не трюм, как мне земноходному

представилось, а просто - грузовой шлюз. Из трюма же сделали огромную оранжерею с естественным солнечным освещением, но без автоматики вообще! Судно было действительно баржей, пожертвованной МарсПромом обителю. А зачем отцам корабль с таким объемом? И сделали они из него курсирующую оранжерею, но в которой не нужна автоматика как на нормальных плантациях. Ведь действительно - зачем автоматика, если есть праздные паломники и прилежные послушники, и всем им нужно укрепляться в главных добродетелях смирения, терпения и рассуждения, а автоматика требует расходов на покупку, эксплуатацию и т.д. И все довольны.

Естественно, в оранжерее большую часть полета невесомость или почти, и по началу нужно учиться владеть собой, если у вас нет внеземного опыта, и выполнять послушания: разворачивать кадки по Солнцу и при ускорении/торможении по силе притяжения, не перекручивая при этом питающие капилляры, находить и собирать фрукты/овощи, учиться и перенимать опыт у отца-огородника инока Аркадия и т.д.

Во время трапезы – чтение из святых отцов как в монастырях. Особое отношение к овощам, над которыми сам трудишься. После обеденного отдыха (я не спал, и на вечер сил не хватило) – снова на послушания до вечерней, потом ужин и повечерие с молитвами на сон грядущим. Но видимо послушания не утомило паломническую братию, и мы тихонько собрались в кубрике на чай. Поговорили, среди нас оказались степенные управленцы, серьезные купцы и инженеры, компания молодежи из «Общего дела», и даже несколько конвертов извне, но в основном – благочестивые Богомолки, частью с детьми и внуками. Разошлись по каютам до колокола на полунощницу, чтобы не смутить отцов, если вдруг с ними как-то пересеклись бы.

Первые выходные

Дни на неделе проходили единообразно, по монастырскому ритму: труд и молитва, молитва и труд – поддержка смысла бытия Вселенной. Наши вечерние чаепития потеряли начальную живость, но нас как бы нечаянно обнаружил отец боцман, но не разогнал, а напротив – порой присоединялся к нам, и стал неким ведущим бесед, глубоких и подлинных. Так мы непосредственно узнали об истории освоения Марса, от самого его участника, о православии на Красной планете, о возникновении и особенностях МПЦ, и просто о жизни в том суровом и славном мире. Какими мелочными кажутся наша жизнь и дела по сравнению с ними... Ну да ладно. Держаться бы правой веры и хранить огонь в душе, и даже в гуще Москвы можно спастись, не отвлекаясь от Него, не дать себя раз-влекать по сторонам.

При всей своей строгости, огромности, даже некоей суровости, отец боцман оказался человеколюбивым монахом, в чине диакона. Иногда, после утомительного послушания кто-то из нас обнаруживал на своей дверной ручке или кулек с фруктами из оранжереи, или пирог с трапезной – некое утешение за понесенные труды. Это надо же ему было справляться о нас у отца огородника, или есть такая между ними договоренность... Да вообще, зачем ему сидеть с нами, людьми мирскими, и терять свой мир душевный в ответах на наши всякие вопросы, и просто из-за соприкосновения с нашим суматошным внутренним миром? А ради нас он так жертвует своим

монашеским покоем. Ведь не эти ли беседы за чаем мы запомним более, и не здесь ли и сейчас меняются наши души, не ведомо нам? Спаси тебя Господи, отец боцман!

В субботу и воскресенье послушаний нет, и мы можем спокойно отдыхать, ходить на службы, в скитскую медиатеку и т.д. Корабль – сельскохозяйственный скит монастыря преподобного Антония Новейшего. В скиту – около 20 насельников (есть еще и вольнонаемные, в основном для команды корабля), Литургия совершается каждый день одним из трех иеромонахов, службы начинаются в 4 утра (распорядок дня позаимствован из внешнего монастыря св.Иова в Мюнхене), в воскресенье – в 9. Стены в храме скита – сплошь из стволов деревьев, какая роскошь! Настоятель скита – игумен Владимир, из плазмометчиков. Говорят, однажды слышали от него: «Я боюсь только Господа Бога и отца Тихона». Что же за такой отец Тихон, наместник монастыря, если даже отец игумен, из плазмометчиков, его боится?

В субботу вечером была красивая долгая всенощная с неспешным монашеским пением, служил отец Киприан. Прислонишься к деревянным стволам, вслушаешься в слова молитв и размеренного пения, и не нужно прилагать больших усилий для молитвы – она тебя сама несет. Здесь на практике узнается, что «душа человека - христианка», когда после физического труда на сельхоз.угодиях как-то даже хочется молиться, что у себя в городе замечал редко. На каноне двое иеромонахов Лука и Клеопа, из горцев, что не служили всенощную, стали исповедовать, и в воскресенье практически все причащались – видимо земляне серьезно подготовились к паломничеству, коль отцы-марсиане их допустили к Чаше.

Прибытие

После череды дней, послушаний, служб, чаепитий, корабль начал торможение, и через несколько дней вышел на промышленную орбиту Марса. Еще выше можно было разглядеть, как орбитальные чабаны формируют кольцо из астероидов вокруг планеты для бомбардировки полярной шапки (конечно, эти глыбы льда можно валить и просто на поверхность, но можно еще и с большей пользой – раскалывать ими ледяной панцирь на полюсе). Их в расчетное время сдвигают с пояса астероидов А-зарядом (да, аннигиляция – дорогое удовольствие, но надо уплотнять атмосферу Марса), потом поджидающие буксиры придают летящим глыбам нужную траекторию для встречи с Марсом, и на подлете сюда их подхватывают уже чабаны и выводят на орбиту группировки. На самой планете, если хорошенько присмотреться, можно увидеть тонкую еще не замкнутую линию по экватору – кольцо строящегося магнитного пояса. Как сделают – можно будет уже начинать выносить биосферу из-под куполов.

Попрощались с командой баржи, взяли благословение у корабельных батюшек, погрузились с отцом-боцманом и его послушниками в наш пассажирский контейнер. Отчалили, развернулись кормой вперед, начали падение с орбиты. Ближе к планете заревели двигатели, траекторию падения стали гнуть на пассажирскую посадочную зону. Приземлились мягко, без происшествий, многие искренне перекрестились, когда контейнер уверенно стал на бетонку. Погрузили на контейнеровоз, при этом у

горизонта заметили низкий купол мембраны, к которому вела прямая как луч дорога. От ее обочин вдаль уходила каменистая равнина, покрытая серыми пятнами лишайников. Их специально создали для этого этапа колонизации, они живут не световым фотосинтезом, а от косм.радиации и углекислоты, и естественно потом вымрут. А пока же потихоньку уменьшают процент углекислого газа и добавляют чуточку кислорода в атмосферу. Ехали долго, посадочная зона, куда падают контейнеры с орбит для этого региона, находится далеко от этого купола по соображениям безопасности. Если что-то пойдет не так, и будет угроза падения чего-то на мембрану купола, плазмометы С-1000 испарят падающую цель...

Впереди из боковых иллюминаторов стал виден купол, поднимающийся из стен кратера. Купол огромен, поверхность его прозрачной для света мембраны тускло поблескивает на солнце. Проехали туннель под хребтом кратера, прошли шлюзование, контейнер остался вовне, а мы пересели в автобус уже под куполом. Не обошлось без курьезов, не сразу же привыкнешь к облегчению тела в движении при тех же мышечных усилиях – то чуть в потолок не подлетишь при вставании с сидения, то в сторону отлетишь при повороте.

Здесь – другой мир, чем на открытой поверхности планеты, мир, который скоро выйдет наружу, и распространиться по всему Марсу. Сразу за шлюзом растет трава (при шлюзовании практически нет потерь атмосферы из-под купола вовне и проникновения внешнего мира вовнутрь), потом начался настоящий хвойный лес, по которому уже что-то порхало и прыгало. После расставания с Землей и долгих космических странствий внезапное явление жизни в таком количестве изумило прибывших, тихо глазающих в окна автобуса. Теперь можно было также рассмотреть и несущую конструкцию купола, на которой натянута мембрана: издали из окружности стен кратера сходились вверх в центр купола двенадцать гигантских дуг из углеродных трубок (их сверхпрочность, наверное, тоже поддерживается током из солнечных батарей). Проехали первый городок. Не редки круглые строения (как жилые модули первой волны колонизации?), порой попадаются тонкие высокие молодые люди, видимо уже коренные, рожденные здесь. Видели православный храм: купол как у нас, а углы крыш загнуты вверх по-китайски, и вывеска на обоих языках (как потом узнали, службы на приходах также есть по-церковнославянски и на традиционном китайском). Проехали еще несколько поселений, леса, луга и добрались до Благовещенска, столицы Первого региона. В гостинице митрополии нас встретил Андрей Маслов, глава паломнической службы, ознакомил с программой, напоил местным травяным чаем, выдал персонально для каждого подогнанную «обувь пилигримов» – так тут красиво называют чуть приукрашенные стандартные утяжелители на ноги для возвращенцев.

Первый день

На следующее утро поехали в пещеру прп.Антония (хотя более известен его островной монастырь, куда мы поехали позднее). Преподобный вначале подвизался в пещере на склоне Рыжего гребня (хотя все они тут более менее рыжие). В те времена в долине уже был приход с небольшой монашеской общиной при ней. Там и начинал Антоний

свой марсианский путь. Был он из внешних, его точка вхождения в Союз – наш собор в Париже у Эйфелевой башни (поэтому его бывшее имя не известно). Потом он был трудником в Сретенском монастыре в Москве, бывал в Псково-Печерском, там и получил благословение «идти на Марс», благо у него было хорошее образование и нужный опыт геологоразведки. Работал здесь в долине, был прихожанином того рабочего приходика, и постепенно пришел к монашеству. Когда Антоний почувствовал готовность на большой подвиг, то получил благословение своего печерского духовника на уединение, на отшельничество в пустынь. Он и начал в то время традицию выхода на уровень огня (под куполом уже было достаточное давление для дыхания, но уровень кислорода - еще не достаточно высок наверху, на гребни подниматься было нельзя без баллонов, там выше еще росли серые лишайники). В период ударных трудов по повышению уровня кислорода под куполами открытый огонь вне построек был категорически запрещен, внутри – лишь по праздникам (Новый год и т.д.) и в храмах. Ему сделали исключение. Антоний, простившись с братией и народом Божиим, зажегши огонь в фонаре от лампы у иконы Спасителя, вышел из храма и стал подниматься к гребням. Леса остались позади, он шел по альпийским лугам, отдышка становилась все тяжелее и мучительней, травяной ковер совсем поредел, высоко вдаль уже виднелось серое покрывало лишайников. Когда телесных сил не стало, и недостаток кислорода потушил огонь, Антоний увидел недалеко пещеру, куда и вселился. Если древние монахи в Египте выходили жить в раскаленную пустыню, где лишь обитали еще не изгнанные ими бесы, а русские подвижники уходили все выше и выше на ледяной север, живя за Полярным кругом в дуплах и пещерах, то здешнее монашество избрало подвиг на границе бездны космоса, в холоде и с кислородным голодом - достойные приемники духовного спецназа человечества.

Здесь с ним произошел случай, возбуждавший вновь дискуссию о возможности изображения киберов, андроидов и т.д. в иконописи, подобно тому, как раньше народ Божий спорил, можно ли было на иконах изображать святых в очках – в Царствии Небесном не будет же ничего ущербного. Так вот, леса под куполами находятся под постоянным наблюдением нескольких систем, и орбитальных и региональных. Однажды пожарный летак, или дрон по-внешнеземному, претерпел глюк и стал выходить из строя (магнитное поле у планеты очень слабое, косм.лучи чаще ломают выч.технику и прочее). Пока его когнитивные мозги пытались восстановить здравомыслие, ЦУП принудительно запустил в летаке программу спасения, и она ничего не выбрала более оптимального как навести гибнущий аппарат на инфракрасную аномалию – келью св.Антония. Преподобный отец перезапустил летаку его когнитивку, тот благополучно воспрянул и улетел. Но спасенная кибертварь сбросила в сеть ЦУПа данные о келье святого Антония как о благе, невычищаемые, и вот летаки, испытывающие некие технические или поведенческие затруднения в том квадрате, уже самостоятельно наводились на келью преподобного отца, ища там блага... Так что ЦУПовцы, пожарники, егеря, лесотехники и т.п. ощущали себя в некоем долгу перед ним, его соседями отшельниками и Церковью вообще. Когда же святого Антония прославили в лике преподобных, было разрешено изображать на его иконах только зверушек и птиц как объекты любви и заботы святого, которые тоже к нему

наведывались нередко, ведь они – твари Божии. Киберы же и прочее – лишь инструменты детей Божиих, хоть и сложные и как бы душевные, точнее когнитивные, и нечего их равнять с живыми созданиями Отца Небесного.

Конечно, наверх к кельи можно было бы подлететь, но принято совершать паломничество в пещеру св.Антония пешком, хоть часть его пути, то мы и делали. С тех давних пор лес поднялся уже значительно выше, и скалы, в которых находились пещеры Антония и других отшельников, пришедших по его примеру, были окружены хвойными лесами. В пещере теперь устроена часовня, где порой совершаются Богослужения, и служитя Литургия 26 января, в день памяти святого. Там же можно увидеть и взять в руки бумажные молитвослов Антония и его псалтырь! Спасибо Андрею, обычно сюда не водят паломников – типа тягостно.

Теперь я понял, что был за шелест во время всей службы на корабле – это звук переворачиваемых страниц бумажных книг. Удивительно. Это как же надо знать устав, чтобы служить без Уставника, по книгам, без линз! С другой стороны, сбоят порой Уставник, не сбрасывает на линзы тексты и ноты, и бывает на службе - стоят певчие и чтецы, и моргают... Дальше – больше. Между скалами, на широкой террасе как на поле раскинулся скит (внимание!), весь деревянный. Храм и все постройки сделаны из стволов деревьев, в лесу разбросаны такие же кельи – срубы. Здесь древесина является сырьем, из которого делают и бумагу, а не предметом роскоши. Народ – в изумлении. В скит не заходим, дабы не беспокоить отшельников, проходим на тропу вниз в долину к автобусу.

Второй день

Спустя десяток лет подвижничества в пещере Антоний спустился вниз, и поселился на одном из островов озерного архипелага, тогда безлюдного, где постепенно вырос монастырь. И вот теперь плывем на остров святого Антония, в его монастырь, где наместничествует то самый отец Тихон (формально настоятелем монастыря является Первоиерарх, а Тихон – на его месте в монастыре). Плыть долго, озеро разлилось широко, наступало на лес.

В соборе монастыря прочитали акафист и приложились к мощам преподобного. Братия предложили пообедать. Потом были в монастырской лавке, и поняли, почему монастырь является одним из крупнейших потребителей древесины – обилие бумажных книг и деревянных изделий на продажу! И тут наши матушки Богомолки, и не только они, не могли не искутиться: кто покупал служебник для своего духовника, кто – молитвослов для настоятеля, кто – резной крест для благочинного, ну а степенная московская братия выбирала подарки себе под стать для своего непростого окружения, вообще не обременяясь зрением цен.

В монастыре есть семинария, готовят священников из сыновей шахтеров, офицеров, инженеров, экологов и прочего трудового люда. И выписывают они себе профессуру с Земли. Видимо, заведение отца Симеона, начальника монастырского издательства, дает хорошее финансовое подспорье преподавательской и просветительской деятельности монастыря.

Возвращались в Благовещенск на закате, матовое солнце садилось в водную гладь, рисуя на мембране купола замысловатые узоры.

Третий день

Побывали в университетской церкви в городе, потом на приходе у отца Ли – чисто китайский приход, без русских богослужений (в его шахтерском поселке живут в основном китайцы, что здесь бывает редко, ну так уж вышло). Там на приходе после обеда нас угощали из здорового русского самовара, и видно, что он – приходское имущество, а не просто дань уважения к союзным гостям прихода. Вот только обычный термоэлемент в самоваре заменен на микротокамак (!), и поэтому они самовар еще используют для обогрева... Видно, не обошлось без рукоделия особых русских соседей.

Просто по соседству от поселка отца Ли находится исправительно-трудовая колония. Здесь на зоне год идет за два, и на Земле умельцам-сидельцам с нужной квалификацией ФСИН предлагала и предлагает скоротать срок на Марсе. Поэтому в окрестностях зоны можно найти удивительные инженерно-технические решения. Кажется, купцы из нашей группы решили что-то затеять своё купеческое, и выяснили у отца Ли, что на зоне есть храм, служит там отец Леонид, администрация не суровая и т.д. В общем, готовят подкат для нового дела.

Под вечер побывали в храме егерского поселка – конечно же деревянном, но нас уже этим было не удивить.

Последующие дни

Потом мы посещали много других приходов и храмов, были в музеи колонизации, походили пешком по Благовещенску и другим городкам и поселкам, снова плавали по озеру на корабле.

Конечно, то, что есть сейчас под куполами на Марсе, несравнимо с тем, как начиналась колонизация – в подземных укрытиях, в забрасываемых с Земли жилых и производственных модулях, в обустраиваемых пещерах и т.д. Но и тогда, и сейчас освоение Марса требует особых людей - здесь остаются люди с ясной головой, горячим сердцем и умелыми трудолюбивыми руками. На Земле такой народ осваивал Север, строил БАМ, перекрывал Енисей и Днепр, строил Байконур и Стрелу. И здесь напряженный труд по продуманному плану вносит и развивает жизнь на Марсе. Кажется, кто-то в нашей группе увидел здесь свою перспективу жизни, а другой нашел свою половину. Студенты – бывает.

На Медведь горе на противоположной стороне озера раскинулся природный заповедник. Вообще-то тут везде как бы заповедник, и отношение к природе как к матери. Но там за озером все строго совсем. И тем не менее, в лесах среди скал на песчаном побережье стали селиться отшельники. Первоиерарх их благословить, конечно, не может – заповедник же, но и запрещать не стал. Нам говорили, что сам владыка, о.Тихон и другие отцы и ревностные прихожане любят бывать там у

пустынников, особенно Великим постом. Думается, такое положение временное, и власть даст разрешение на проживание отцов-отшельников, они там и летаки подладят в случае чего, и за зверьем присмотрят в лесу - властям дешевле будет. Отшельники там живут по скитскому уставу по кельям (пещерным и каменным), на общую молитву собираются в храм, все остальное творят келейно.

На приходах усердно прикладывались к мощам, многие из которых при эвакуации православных святынь извне Союза прямо попадали в бурно растущую МПЦ, и некоторые есть только здесь, особенно древних западных святых. Разграбление Византии крестоносцами спасло святыни в Европу, а теперь их поиск и выкуп из Европы укрепил Русскую церковь и МПЦ. Наши Богомолки, видимо мамы серьезных купцов и сановников, спровадивших их с внуками в паломничество, цену здешним деньгам не поняли, и даже при учете марсианских цен оставляли в церковных кружках весьма крупные пожертвования.

День последний под куполом

Видимо, приходские отцы сообщили владыке о существенном пополнении приходских кружек, или так тут принято, но на прощальной встрече нашей группы с Первоиерархом он каждого из нас одарил бумажным молитвословом... Слов нет, некий ступор за щедрость владычню. Таких нет в лавке на монастырском острове, видно, их делают для своих нужд – карманные, с тиснением обложки, в руке лежат влитом, размер шрифта оптимальный. Здесь был и наш «корабельно-скитский» боцман отец Феофан, с которым мы встретились как со старым товарищем. Потом владыка пригласил на обед, тут же у себя в Митрополии. Нас не то что смущала, но скорее удивляла такая его доступность и близость к обычным людям как мы. Но здесь так сложилось с самого начала: владыки - хоть и архипастыри, но они - не в выси над паствой, а с ней.

Багаж собрали заблаговременно накануне, в автобус сели слаженно как уже опытные марсианские паломники, отправились в путь к шлюзу в граничном хребте кратера. Андрей Маслов нас сопровождал в автобусе до самой пересадки во внешний мир, там мы с ним попрощались, получили от него на память мешочки травяного чая с гор у пещеры св.Антония, куда ездили в первый день. С о.Феофаном он просто обнялся по-дружески (они вместе работали раньше?).

На этот раз мы ехали не в орбитальном контейнере как после приземления с орбиты (именно «приземления» как тут принято говорить, несмотря на все особенности здешнего мировоззрения и благочестия), сели в реактивный летак (дрон), который вырулил из туннеля и доставил нас за пару часов прямо к здешней Стреле, куда слетаются пассажиры и грузы из всех куполов. Гравитация здесь – чуть более трети от земной, поэтому и Стрела тут значительно поменьше по сравнению с Первой. Перегрузки были совсем не такие как при выходе на земные орбиты, все было серьезней и сосредоточеннее – столько нового опыта, открытие нового мира и его людей, устройства их душ, стремлений и побуждений. Скитский корабль встретили почти как дом родной. Родной - наверное, из-за его связанности с нашим путем на Землю, хоть и такую болезненную, но всё же родную. Ангелов нам Хранителей в путь!